

Светлана САВИЦКАЯ

Волга

Запах берегового песка растревожил отчаянную радость птиц. Они загалдели, защебетали, зацвиркали. Егорка, оглушённый дружным гомоном, спускался с кручи вслед за дубами, кажущимися теперь богатырскими конями, свесившими гривы до самых льдин и скованных ими. Тела дубов цепко держались за откосы копытами корней, проваливаясь в лопнувших за ночь желудях и прелых листьях. Ковёр тот, по-царски красивый, щедро был выткан ещё осенью, потом свалился от ураганных ветров, потерял форму и воздушность, утрамбованный зимними гребёнками тяжёлых снегов, которые на этом южном склоне то накапливались, то подтаивали, стекая вниз.

Богатырские кони-дубы пили влагу ветвями и корнями, всем своим видом показывая, как им хотелось втянуть в себя всю необъятную ширь ещё спящей подо льдом могучей русской водяной артерии.

У берегов, в стекле ломаного льда, задержались кристаллы еристых льдин и нарубленные течением почти правильные квадраты торосов. Егорка присел на угрестый солнцем взгорок у трёх берёз глядеть, как урчат и ходят друг за другом сизари.

— Дед баню затопил! Айда париться! — донёсся голос матери.

От этого взметнулись птицы к реке, потом обратно к берегу, проворчав что-то невнятное. Сделав круг по-над льдистым лоскутным одеялом последних зимников, разбудили рыбу, вильнувшую в глубине громадным хвостом. Рыба попробовала носом крепость льда. Тут в середине реки что-то хрустнуло. Треснуло, как хрустит на первом солнце жёлудь, выпуская ус могучего дуба.

От взгорья Волга казалась огромной змеей, что дёрнулась, желая сбросить холодную шкуру. Пошёл сильный треск и шум. Шире распахнулись бело-жёлтые ресницы прибрежные ивняки, чтобы не пропустить чего-то чрезвычайно важного.

Лёд тронулся, выворачивая космы деревьев, увлекая за собою громадные комья лежалого песка вместе с травой, обнажая кости крупных белых камней.

— Пошла Волга! Пошла матушка! — ульшала Егорка за собою бас деда Спиридона, — париться-то пойдёшь?

— А то! — подскокил Егорка и с лёгкостью необъятной, что поселилась в душе от всего пережитого, ещё раз обернулся на реку да подхватился за дедом к баньке.

Спиридон Елисеевич парил ребятишек многочисленного семейства своего всегда отдельно. Собирал граблями старческих рук, точно совком для болотных ягод, гурьбу, приманивал да приручивал к сладкому банному плену липовым мёдом или квасом на ржаных сухарях.

В предбаннике уже проворно скидывали рубашонки долговязый Андрейка, внук Прова, брата Спиридона, не вернувшегося с Отечественной, конопатый Мишка и его брат-погодок белёсый Димка, внуки дочери Спиридона Дарьи — героя-пограничника, погибшего на Дамаском, трое одинаково подстриженных под горшок Юдиных отпрысков: Лёшка, Сенька и Тимур, худых и лёгких, тоже оставшихся без мужской опеки, потому как Павел, старший из внуков Спиридона и их батька, ушёл под лёд.

С остальными внуками, внучками и правнуками дед не мог справиться, потому как их количество давно превышало число пальцев на руках и ногах. А вот над обездоленными держал шефство исправно.

Седьмой безотцовщиной был в семье Егорка, причём наполовину. Взвоят бывало мать, да закроет рот платком. И почему нет Станислава, его отца, третий год, никто в деревне не знал. Письма при-

ходили редко, никакой полезной информации для деревенских не принося. Чаще шли денежные переводы. Егорка и забыл, как отец выглядит.

А Спиридон жалел мальчика больше всех, и незаметно для себя рука его как-то сама подкладывала лучший кусок Егорке.

Шантрапа разоблакалась быстро, без лишнего капризов, и по одному, втягивая весенние сопли, растворялась за мелодичными таинственными дверями парилки.

Спиридон заходил последним, закинув пару-тройку похожих на чертей сучковатых дубовых чёрных корешков, чтобы жар шёл медленно и мощно.

Мелюзга умно рассаживалась на нижние ярусы, на верхний полочку обычно отваживались залезть лишь Андрейка да Егорка.

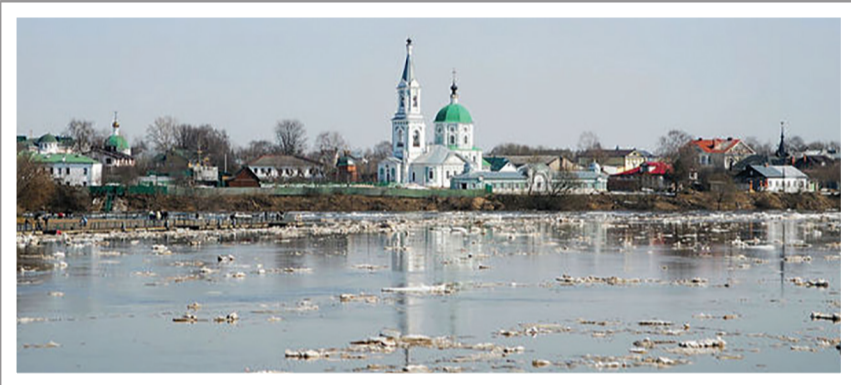
Чтобы отрезать путь к отступлению, дед затворял дверь на верхний шпингалет, до коего и сам-то с трудом дотягивался.

Температура росла. Ребятишки терпеливо сопели. А дед, брызнув ковшиком на каменку и напустив белесого пара, невероятно кучерявился, белая борода распущалась, а космы и брови точно выростали вбок.

Эдакий Дед Мороз, только голый, брал в каждую руку по берёзовому венуку и начинал гонять пар, точно махал богатырскими палицами. А под эти размахивания лились-струились нескончаемые истории о Гражданской войне.

Они заканчивались всегда одинаково: — А на тебе! А получай! Буржуй-кровосос!

Тут берёзовые листья обоих венуков, доставая жар сверху, обрушивали его вол-

нами вниз на спины мальчишек. Мелюзга, исполняя роль белогвардейцев в этой игре, начинала вопить, уворачиваясь от Спиридона. Причём первым становился пунцовым рыжий Мишка, не намочившие ещё волосы бронзовели. Брат же его родной в полосе света от единого крошечного оконца больше походил на светленький репей. Адской температуры он не выдерживал, первым подскакивал к двери и подпрыгивал, пытаясь открыть шпингалет. Куда там!

К тому же дед «слишком не любил ренегатов-отступников» и никогда не упускал случая тут же протянуть Димку венуком вдоль спины. Другой рукою Спиридон парил взрослых Андрейку с Егоркой, а остальных уже как получится.

И лишь когда самый мелкий из Юдиных, Тимурка, начинал пищать: «Всё! Деда! Выпущай! Воды!» — дед торжественно поворачивал окаянный шпингалет, и ребятишки мигом оказывались в банном помещении побольше, где бабы уже до краёв приготовили для обливания громадную кедровую бочку с ледяной водой из Волги.

Спиридон обливал всех по очереди. Мальчишки выдерживали процедуру закаливания до визжащей дрожи да снова бежали в парилку.

Дед быстро обливал себя последним и басил командным голосом:

— Эй, кто там из баб? Воды давай!

И снова звякал шпингалет. И новый пар. И новые рассказы. Только теперь о

Финской, которую дед тоже прошёл героем.

И странно. Вроде всё это было ребятишками слышано-переслышано. Но снова раздавалось:

— А на тебе! А получай! Раскудрит твою через коромысло!

Теперь липовые венуки ходили по ребячьим телам. Распаренные в бадье цветики разлетались победным салютом. Запах шёл неземной!

Вздыхали размякшие брёвна банного сруба. Пар, как туман, пронзал писк Тимурки:

— Деда! Отвори шпингалет! Выпусти к бочке!

Перепаренный до одури Андрейка не выдержал, попытался сам повернуть щеколду, за что, весь уделанный добрыми шлепками, опустился на приступке у двери, закрыв голову.

Спиридон, рассмотрев равномерную красноту тел, точно Мишкина пунцовость разом растворилась в братьях, как в одном, выпустил наконец вместе с паром ребятишек. Второй раз разрешено было кваску хлебнуть.

— Ох! Хорошо! — встречал поток ледяной воды Егорка.

— А то! Дед знает что почём! — ухмылялся Спиридон. — Следующий! Гуртом! Гуртом вставайте! — выливал он бочку на головы ребятишек, — в парилку ать-два!

Как ни хороши рассказы о Гражданской и Финской, а Отечественная ближе по времени, и нет ни единой семьи на Волге, которая не потеряла бы кормильца.

Слушали ребятишки, затаив дыхание, о лютых немцах, о храбрых русских, о смекалке деда Спиридона!

И вместо воплей о спасительном отступлении к кедровой бочке, Тимурка, собрав руки на груди, просил:

— Ещё! Дед! Ещё расскажи!

— Так вот ещё раз в баню пойдёшь, и расскажу! — ещё крепился Спиридон, в эдаком жару венуками орудя.

Теперь в ход шли исключительно венуки взрослые, дубовые, распространяя аромат русской мощи.

Егор еле терпел. На полочку стекал пот.

Ему почему-то стало нестерпимо обидно за отца. Уехал он, оставив мать, Егора, Волгу... И не рассказывал о службе своей, как это другие отцы делают. Вот дед Спиридон кряхтит, пыхтит, один за тех, кто не вернулся в деревню, отдувается, ведёт воспитание. А ведь осталось-то всего несколько лет! И уйдёт Егорка в армию, и столько подвигов совершит, прямо как дед Спиридон — на одну баню не хватит!

— Чё задумалось? Водой окатить? — вывел его из оцепенения дед. Это Егорка уже на автопилоте дошёл до бочки, и стоял последним в ожидании ледяного душа...

Бельё чистое и белое, приготовленное каждому мальцу на лавке, всегда пахло земляничным мылом.

Самовар уже был накачан. Но женщины не видно. Дед сам раздавал ребятишкам маковые калачи в своей резной расписной беседке. И каждому — дубовую розеточку с липовым мёдом!

А чай! Что это был за чай! В нём угадывал Егорка листочки смородины и веточки вишни, бадан, мяту, букет разного перца, молоко.

А мёд! Что это был за мёд! Липовый белёсо-жёлтый, точно сладкое весеннее солнце пролило в розетки слёзы счастья!

А маковые калачи...

Егорка не пошёл домой, как его двоюродные и троюродные братья. Краем глаза зацепил мать, удивлённо притулившуюся у забора с письмом в руке.

— Что городские пишуть? — опередил вопрос Егора Спиридон.

— Спрашивают, жду ли, хотят вернуться.

— Ну? И? — занервничал дед, требуя быстрого решения.

— Убью паразита! Чисто убью!

— Это правильно. Убей, — тихо качнул головою дед. — Однако, не спешко. Пусть сначала крышу поправит...

Егорка весело сбежал к реке поделиться с богатырскими конями своей чудесной новостью. За ним подышать вольницей двигался Спиридон.

Рокот военного вертолётки остановил обоих. На более или менее ровной площадке береговой насыпи машина села. Из неё люди в зимнем камуфляже достали цинковый гроб. Как из-под земли, подле выросла мать, прочла на гробе бирку и осела на песок в бессловесном обмороке.

Раздался выстрел прощания. Всполошилась деревня. Не прошло и пяти минут, как у вертолётки собрались взрослые и дети во главе с председателем.

«Груз 200» из Афгана так и лежал у реки, пока военные передавали какие-то бумаги председателю, а потом ещё пять коробочек с орденами за храбрость.

— Это что? Мой отец? — перепугано вскинул глаза на Спиридона Егорка.

Дед виновато кивнул, отвернув лицо к Волге.

Вертолёт взлетел. Мать открыла рот и завывала, да так низко, долго и больно, что вытерпеть того звука не хватало ни воде, ни земле, ни небу. Она выла без слёз, покачиваясь, глядя на то, что нельзя было вскрывать, собранное по кускам. Стало тоскливо и холодно. Всей деревне холодно. Даже лёд на сплыве остановился. Вечерним заморозком сковало пространство меж больших льдин. Народ быстро разошёлся по избам, приняв решение завтра заняться похоронами и не заносить гроб в деревню.

И тут Егор увидел приближающуюся с того берега точку. Он ещё не понимал, что так завораживало в движениях этой чёрной точки через ледяное пространство. Поперёк переливающейся шкуры гигантской уснувшей змеи прыгал человек.

— Славка! — закричала мать, тоже не отрывая глаз, полных надежды от приближающейся точки, — это же мой Славка! Только он так-то по льду мог! Только он! Гляди, дед Спиридон, глянь-ка Егорка! Это же Славка, отец твой к нам бежит. Эээх!

Минута, и баба прыгнула на первую льдину, оказавшуюся рядом, и погнала навстречу.

— Раскудрит твою через коромысло! — всплеснул руками Спиридон.

Он и рад бы был бежать навстречу, да куда ему старому! Лишь мальчонку взял за руку, чтобы тот не дёрнулся на такой рискованный шаг.

— Так, значит, мой папка там на льдине, а не в гробу? — на всякий случай уточнил Егор.

— Выходит, ошибка случилась. На войне это сплошь и рядом, помнится в Отечественную на меня аж три раза похоронки приходили, а баба моя каждый раз не верила, и вот... — затынул дед новую историю.

Тем временем мать и отец иступленно бежали на встречу друг другу и где-то на середине Волги встретились. Обнялись. Что-то горячо обсуждали, пока шли в обнимку к Егорке. Но ни старший, ни малый не могли разобрать, что. Они удивлялись, как нестабильный лоскутный лёд держит обоих, как их бережёт судьба!

Глядя на это зрелище, замерли птицы. Затаились рыбы. Остановилось одним глазком взглянуть заходящее солнце и не исчезало, пока сумасшедшие от счастья люди, казавшиеся мелкими муравьями на широких льдинах стихии, не ступили на твёрдую землю.

— Удивительный день! — подумал Егорка.

— Потрясающая весна! — воскликнул Славка, хватая сынишку на руки.

— Интересный год! — почесал в затылке Спиридон.

— Занятная жизнь у этих людей, — проводили долгим взглядом дубы удаляющиеся фигуры.

А Волга, чудом приостановившая ледоход, уже мечтала, как она, сделав полный виток по планете, снова вернётся в эти места, ведь именно здесь она сегодня была счастлива.